

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЕРМОНТОВСКОМ ДЕМОНЕ

Демон погубил Тамару, потому что она напомнила ему Ангела, которого Демон когда-то любил...

Демон летал в черном пространстве космоса, тоскуя о потерянном рае. Там ему, еще светлому херувиму, сверкали звезды и улыбались кометы, там он любил и был любим. Теперь, отверженный, он век за веком сеял одно лишь зло, и ему было бесконечно скучно.

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,*

*Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья,
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый.*

Опускаясь к Земле, Демон оказался над Кавказскими горами. Как грань алмаза, вечными снегами сиял Казбек, стояли на страже башни-великаны, черной змеей извивался Дарьял, бело-гривастой львицей ревел Терек.

*И дик, и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.*

Еще ниже спустился Демон, и перед его взором расцвели чудесные картины Грузии, роскошным ковром раскинулись долины, разноцветными камнями засверкали прозрачные

прохладные ручьи. Теперь Демон был почти у земли. Он видел чинары, увитые плющом, пещеры с отдыхающими оленями, слышал пенье соловьев, шум листьев, дыхание растений.

*Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал, иль ненавидел.*

Равнодушно оглядываясь вокруг, Демон остановил свой взгляд на одном доме, где сегодня был праздник. Старый Гудал сосватал дочь за знатного князя. Пока жених спешит на свадебный пир, его невеста Тамара танцует для гостей на кровле дома и поет. На ее лице, подобно лунному лучу, скользящему по зыбкой влаге, играет улыбка. Благодатный звук ее голоса вдруг наполнил пустую душу Демона неизъяснимым волнением.

*Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.*

*То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? — забвенья не дал Бог...*

Тамара напомнила Демону Ангела, старое чувство заговорило в нем «родным когда-то языком». Нелепо считать, что Демон влюбился в Тамару. Красоту Демон не видит и не понимает. Любить он тоже не может, не может и забывать: «забвенья не дал Бог». Пение Тамары напомнило Демону Ангела, усилило его тоску. Тамара разбередила его «старые раны». Не любовь почувствовал он к ней, а желание отомстить, заставить страдать, и даже – погубить. И вся последующая история, которая будет разворачиваться перед нами – это история погубления Тамары.

Сначала Демон делает так, что в дороге погибает жених Тамары. Свадебный пир превращается в поминальную трапезу. Тамара оплакивает свою горькую участь. Не любовь! За богатого князя, которого она совсем не знает, ее сосватал отец. Не страстную любовь представляла она себе, а неизвестную жизнь в незнакомой семье. Если бы Тамара любила жениха, не смог бы никто, да так скоро, вытеснить его из ее сердца. А пустым сердцем Тамары Демон овладел без труда. Сочувственными речами, нежным голосом он стал успокаивать ее:

*Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный*

*Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!*

*Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;*

*Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?*

Демон прикинулся посланником неба. Он просит Тамару не проливать слезы о погибшем женихе, который сейчас в раю слушает сладостные песни. И в подтверждение – поет одну из них:

*«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;*

*Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.*

*Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья,
И прошедшего не жаль.*

*В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!»*

Демон говорит Тамаре, что будет прилетать к ней и навевать золотые сны. Не любовь обещает он ей, а волшебные мечты!

*К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы*

Сны золотые навевать.

Когда голос Демона затих, Тамара в смятении проснулась. В другой раз Демон явился ей во сне в образе прекрасного незнакомца.

*Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.*

Очнувшись, Тамара стала гадать: кто это был? – Не ангел-хранитель:

*Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.*

Но и посланника ада она в нем не узнала:

*То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!*

Незнакомца она сравнила с ясным вечером. Но ведь за вечером неизбежно наступает темная ночь. Тамара понимает, что ее таинственный посетитель – вряд ли посланник светлых сил. Чтобы спастись от наваждения, Тамара просит отца отпустить ее в монастырь. Ведь она больше не хочет выходить замуж, она отказывает всем женихам. И не верность погибшему князю тому причина. Тамарой сразу и прочно завладел Демон. О нем она все время думает.

Но и за монастырскими стенами она не может обрести покой, забыть свое наваждение. Жизнь для нее стала мучением. Красоту окружающих гор она не замечает, ночная уединенная молитва в келье не приносит успокоения, во время всеобщей службы вместо пения священника ей слышится голос незнакомца. Она видит его образ под сводом купола, в тумане фимиама он манит ее за собой. Чувственными мечтами Демон доводит Тамару до иступления, она все время ждет его.

*Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.*

Однажды вечерней порой Демон прилетел к обители. Не смея сразу нарушить мирный приют, незримый, он долго летал вдоль монастырских стен. На деревьях от его воздушных шагов без ветра колебались листья. Была минута, когда он хотел оставить свой коварный замысел, но вдруг в тишине из кельи Тамары раздалась чудесная музыка,

*И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!*

*Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкой слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?*

Демон подумал, не Ангел ли спустился с небес, чтобы повидаться с ним, пропеть о былом, не Ангел ли звал его в обитель? Первым порывом Демона было исчезнуть. Но он не мог шевельнуть крылом. Только тяжелая слеза выкатилась из его глаз. Вот он миг возможного перерождения! Божественный звук мог вернуть Демона к свету. В ранних редакциях поэмы были такие строки:

*Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений
О настоящем и былом –
Всё разом отразилось в нем.*

Открыто, не сновидением, входит Демон к Тамаре, готовый переродиться для новой жизни. И действительно, видит у нее Ангела. Но не сладким приветом, а тягостным укором встречает его Ангел:

*«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»*

Белым крылом прикрыл Ангел Тамару от нечистого взора Демона, а на него самого направил луч божественного света. Корчась в этом свете, Демон опомнился, в его душе вспыхнула

ревнивая ненависть. Демон ревновал Ангела к Тамаре (а не наоборот). Желание уничтожить Тамару только усилилось. Ее сердцем, полным гордыни, он уже владеет, Ангелу ее не спасти.

*Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.*

*«Она моя! – сказал он грозно, —
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.*

*На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святости,
Здесь я владею и люблю!»*

Ангел отступил. Медленно взмахнув крыльями, он потонул в небесном эфире. Тамара осталась наедине с Демоном, героем своих вожделений. Наивно она спрашивает его:

*О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..*

Демон ей в ответ: «Ты прекрасна!» Она опять: «Но молви, кто ты?». Хочешь знать? – так слушай:

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!*

В ранних редакциях поэмы он прямо признается ей, что он Демон. И он – у ног Тамары! Злой искушитель продолжает разжигать ее гордыню:

*Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, – я тебя люблю!*

*Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою...
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!*

Защитительную молитву произнести Тамара не смогла, только в тихом выдохе вымолвила: «Ах, зачем меня ты любишь?», и получила в ответ новую порцию соблазнительного искушения:

*Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё былое бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.*

*В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлен,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.*

Демон кощунственно сравнивает Тамару с предвечным божеством, говорит, что райское блаженство без нее невозможно. Она слушает его грубую лесть и не прогоняет. А он теперь взывает к ее сочувствию и состраданию.

*О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..*

*Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня...
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор...
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасть от думы неизбежной
И незабвенное забыть!*

Тамара спрашивает Демона: зачем мне знать твои печали, зачем ты жалуешься мне? Говорит ему:

- Ты согрешил...
- Против тебя ли?
- Нас могут слышать!..
- Мы одни.
- А бог!
- На нас не кинет взгляда: он занят небом, не землей!
- А наказанье, муки ада?
- Так что ж? Ты будешь там со мной!

Обреченный на вечное одиночество Демон нагло врет Тамаре, но она продолжает его слушать, не перестает заигрывать: «Зачем тебе душа моя? Ужели небу я дороже всех

незамеченных тобой?» И дальше, как какая-то уездная барышня, требующая верности от заезжего гусара, она просит Демона дать ей любовную клятву. То-то Демон развернулся!

*Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братьий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовь мою моей:*

*Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня –
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.*

*Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя...*

*Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня!..*

Против таких соблазнительных речей устоять невозможно! И Тамара уступила... Поцелуй Демона погубил ее. Во время похорон в церковь за ее душой спустился Ангел: за любовь и страдание она была прощена Богом. Демон преградил Ангелу путь, «Она моя», - сказал он грозно, и могильным холодом повеяло от его неподвижного лица. «*Но Ангел строгими очами на искусителя взглянул и, радостно взмахнув крылами, в сиянье неба потонул*», унося душу Тамары. А демон вновь остался один во всей вселенной «*без упования и любви*».

Такую развязку (Демон побежден, Тамара оправдана) Лермонтов сделал из цензурных соображений. Он хотел, чтобы поэму напечатали. Но рассказанная история должна была иметь другое, более органичное окончание. И оно было – в предыдущей редакции поэмы, где в конце Ангел молится на могиле Тамары, а Демон горькой улыбкой упрекает его.

Эту редакцию Лермонтов подарил Варваре Лопухиной 8 сентября 1838 года, в день Рождества Пресвятой Богородицы. Лермонтов любил Варвару, называл своей мадонной, но она променяла его любовь на удобный брак с Бахметьевым. Умолять, увещевать, а тем более, показывать свою боль было не в характере Лермонтова. Он преподнес ей «Демона» с посвящением, надеясь, что она поймет: демон соблазна и искушения не поселится в любящей душе.

*Я кончил – и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?*

*Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложил на нее холодную печать;*

*И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...*

Лермонтов иронично сравнивал себя с Демоном, а любимую женщину – с Ангелом. После разрыва с ней он писал: «иль женщин уважать возможно, когда мне ангел изменил». Ангел изменил Демону, а мог бы вернуть ему потерянный рай...

Совершив очередное зло, Демон уносится прочь от Земли в черную бесконечность космоса. Старые руины монастыря да заброшенный дом Гудала хранят память о грустной истории. Теперь в доме другие жильцы: зеленых ящериц семья и осторожная змея. А Тамара с отцом нашли себе новый приют. Церковь на крутой вершине Казбека, где они похоронены, едва видна среди туч. У ее ворот стоят на страже черные гранитные великаны в снежных плащах и ледяных латах, чтобы «вечный ропот человека их вечный мир не возмутил».

В обратном, по отношению к началу поэмы, порядке описывается путь Демона от Земли: дом Гудала, Казбек, вечное пространство космоса. Композиция замкнулась. Демон все также носится над Землей. Зло – вне времени.